

# Джон Ле Карре

## Неразлучные

[ 35 ]

АП 1/2018

Вступление к новому изданию “Шерлока Холмса”

Перевод Т. Казавчинской

Доктор Ватсон не записывает истории, он с нами разговаривает. С эдвардианской учтивостью, у тлеющего камелька. Голос у него ровный — без взлетов и падений. Ясный, энергичный, как и подобает случаю. Голос далеко не глупого колониального британца — в твидовом костюме, пребывающего в мире с собственной особой. Обладатель костюма вволю попутешествовал. Поколебился по свету, что называется, понюхал пороку. Но за границей так и не прижился. Он *отличный малый, верный до самоубийства, храбрый, как лев, на таких, как он, земля держится...* Подходят все трюизмы, но сам он вовсе не банален.

Тонкие чувства приводят доктора Ватсона в смущение. В искусстве он не силен. Зато, как и его создатель, он один из лучших рассказчиков, каких только знал мир. В тех редких случаях, когда он уступает сцену Холмсу, мы ждем, когда он вернется. Холмса, сложного, блестящего, стремительного, неумного, небезопасно оставлять одного. О нет, он в полном порядке. Отлично маскируется, умеет залегать на дно,

примириться так, что мать родная не узнает, притворяться мертвым или умирающим, прочесывать опиумные притоны, вступать с Мориарти в рукопашную на краю уступа, обводить вокруг пальца кайзеровского шпиона. Но все это не меняет главного — того, что сам по себе он лишь половина личности, а полной становится, лишь когда верный Ватсон вновь берет повествование в свои руки.

Слава богу, ни кипы ученых трудов, ни глубокомысленные диссертации чиновников от литературы не могут объяснить, почему один авторский голос нам слаще другого. Отчасти это вопрос доверия, отчасти — вопрос хороших или дурных манер рассказчика, отчасти — его авторитета или отсутствия такового. И отчасти — вопрос красоты, но в очень малой степени, совсем не в той, в какой бы нам хотелось. Я жажду, чтобы меня очаровали как читателя, причем с первых же строк или уж никогда, из-за чего на моих полках теснятся ряды книг, бог весть почему брошенных на двадцатой странице. Но если уж я поддался авторским чарам, дело сделано. С самого детства Конан Дойл приобрел надо мной власть. Я люблю его бригадира Жерара, и его свире-

пого пирата Шарки, и его профессора Челленджера, но больше всего я люблю Холмса и Ватсона. Такую же власть он обрел над моими сыновьями, и я с удовольствием наблюдаю, как мои внуки один за другим подпадают под его обаяние.

Загляните ненароком в творческую лабораторию писателя, и поначалу вы испытаете разочарование: ни изысканных оборотов, ни редкостных прилагательных, разбросанных по странице, ни завораживающих психологических откровений. Но зато перед вами своего рода совершенство: совершенный баланс диалогов и описаний, совершенный выбор характеров, совершенное распределение действия по времени. Немудрено, что Конан Дойла, в отличие от других великих повествователей девятнадцатого и начала двадцатого веков, практически без потерь переводят на любой язык.

Профессиональные критики никогда не могли разгромить Дойла и никогда не смогут. Можно было глумиться над его спиритизмом, над его неразборчивой любовью ко всем научным открытиям подряд, можно было хулить позднего Холмса: он-де выродился и уже совсем не тот, что раньше. Но критико не обращал внимания на критиков ни в его время, ни сегодня. Сейчас, как и тогда, водители такси, государственные мужи, ученые и уличные мальчишки сидят у его ног, как зачарованные, — что доказывает, если бы требовались доказательства, что за скупостью языка скрывается великая терпимость — приятие человека

во всей его сложности. Даже в его времена у Дойла было множество подражателей, неизменно и во всем уступавших ему, но преуспевающих. Если по какой-то невероятной случайности кто-нибудь из них сподобился бы придумать ужасного профессора Мориарти, готов поспорить, что Мориарти превратился бы в коварного еврея. Придумай его Джозеф Конрад, он был бы озлобленным балканским радикалом, заиклившимся на уничтожении индустриального общества. Но у Конан Дойла не было на душе подобного бремени. Он знал, что зло способно жить ради самого себя. И не нуждался в ненависти и предвзятых рассудках — был достаточно умудрен жизнью, чтобы не клеить ярлыки на дьявола.

Задумайтесь, как искусно помещает он читателя между двумя своими протагонистами. Холмс — гений, бесконечно нас опережающий, и мы знаем, что никогда нам не догнать его. Да и зачем? Это и не нужно. Но не падайте духом: мы на милое опережаем еле ковыляющего простоватого доктора Ватсона! И что же в результате? Читатель, к своей радости, располагается между двумя главными героями. Есть ли в популярной литературе лучшее соответствие тому, что Томас Манн звучно окрестил противостоянием художника и обывателя? В Холмсе, о чем нам никогда не дают забыть, воплощено стремление художника к саморазрушению. Ватсон же постоянно напоминает о присущей нам любви к социальной стабильности.

Неудивительно, что пара Холмс—Ватсон вызвала к жиз-

ни больше подражаний, чем любой другой литературный дуэт. Современная полицейская драма прибегает к нему снова и снова. Они, и только они, ответственны за кинофильмы, где действуют напарники. Нынешние триллеры тоже много потеряли бы без них. Не будь Шерлока Холмса, мог ли бы я придумать Джорджа Смайли? И без Ватсона мог ли бы я дать ему в соавторстве Питера Гиллема? Хотелось бы верить, но вряд ли.

Мне было девять лет, когда в моей второй школе-интернате брат директора, святой человек с дивным голосом, раз в неделю в общей комнате читал нам, младшеклассникам, "Приключения Шерлока Холмса" на сон грядущий. В следующем семестре он перешел к "Собаке Баскервиль": я и сейчас слышу его голос, вижу

его мощную фигуру, лысину, на которой играют блики горящих в камине углей.

— Следы?

Это Холмс расспрашивает Мортимера.

— Следы.

— Мужские или женские?

Доктор Мортимер как-то странно посмотрел на нас и ответил почти шепотом:

— Мистер Холмс, это были отпечатки лап огромной собаки!<sup>1</sup>

А теперь читайте. У вас в руках окончательная разгадка всех тайн Шерлока Холмса, собранных воедино и щедро дополненных обстоятельным научным вступлением и комментариями<sup>2</sup>. И не волнуйтесь: о Холмсе и Ватсоне не пишут иначе, как с любовью.

24 октября 2003

1. Перевод Н. Волжиной. (Здесь и далее — прим. перев.)

2. Sir Arthur Conan Doyle. The New Annotated Sherlock Holmes. Volume I: The Adventures of Sherlock Holmes. The Memoirs of Sherlock Holmes. Volume II: The Return of Sherlock Holmes. His Last Bow. The Case-Book of Sherlock Holmes. Ed. with a Foreword and Notes of Leslie S. Klinger. — NY—London: "W. W. Norton & Company", 2004.